

Владимир Левендорский

SWRRF. 20??

Воспоминания
из будущего.
Книга вторая

Владимир Левендорский

**SWRRF. 20?? Воспоминания
из будущего. Книга вторая**

«Издательские решения»

Левендорский В.

SWRRF. 20?? Воспоминания из будущего. Книга вторая /
В. Левендорский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748657-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Imagine... Соберите этот пазл. Что у вас получится?

Предложите родственникам, друзьям, знакомым... Что получится у них?

Читать можно, начиная с любой книги, с любого места и в любом порядке. Но
лучше, само собой, последовательно с начала... и до конца... только когда он
будет?... и будет ли?... You may say, I'm a dreamer... But... I hope.... Some day...

Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-748657-0

© Левендорский В.
© Издательские решения

Содержание

Рубик	6
«Клуб возрождения» (рассказ Рубика)	27
Охреневший коп	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

SWRRF. 20??

Воспоминания из будущего. Книга вторая

Владимир Левендорский

© Владимир Левендорский, 2016

ISBN 978-5-4474-8657-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Широкая, более шестидесяти метров в поперечнике, эстакада ЕТМ шла почти строго с севера на юг. И сейчас, в полдень, здесь была глубокая тень. Но воздух уже успел раскалиться. Даже без термодатчика, просто кожей лица, он почувствовал – уже перевалило за пятьдесят градусов. Но Александр не стал пока надевать термошлем, просто активировал кондиционирование у ворота комбинезона. Перчатки же надел сразу, ещё шагая под козырьком выхода из служебного лифта: потные руки – вещь коварная, да и повнимательнее здесь надо быть, «перчаточные» системы управления и защиты лучше уже активировать.

Здесь было пустынно и тихо. Большая почти идеально ровная площадка с еле заметной покатостью к краю, нависающим над дренажным каналом, была уже идеально вычищена ботами-уборщиками от пыли и мелкого мусора, занесённого сюда утренним ветром. Вокруг никого и ничего. Только спереди и сзади две опоры ЕТМ, а по бокам безжизненные склоны глубоких балок, обрывающихся у сейчас пустых безводных, вычищенных дренажных каналов. И по-настоящему мёртвая тишина: ни шума листвы или травы, ни пения птиц или дуновений ветра, ни звуков возни хоть какой-нибудь живности. Даже его шаги по тускло поблёскивающей гладкой водоотталкивающей плитке были бесшумны: подошвы ботинок были со специальным звукопоглощающим покрытием. Только бездвижное марево раскалённого воздуха. Всё это создавало ощущение ирреальности происходящего. Говорят, что подобное испытывают космонавты на поверхности Луны или Марса. Но там тебе хоть периодически что-то «вякают» по системе связи. А сейчас даже говорливый, но приструнённый им Эд дисциплинированно молчал. Что он здесь делает, в этом мёртвом городе? Ну да, здесь ещё кто-то вроде как бы где-то как-то живёт. Но он-то знает, что совсем скоро всё в этом городе будет так же как здесь, между опорами эстакады ЕТМ – пусто и безжизненно. И Корпорация, и Город обречены. Ведь сейчас он мог бы... «Стоп! – остановил сам себя Александр, – что это я так раскис?!» Он проверил показания датчиков. Может, случайно попал под действие интенсивного DOR-поля. А может, это целенаправленное излучение? Но нет, всё чисто. Наверное, «отходняк» после общения с Ведьмой. «Ты прекрасно знаешь, ради чего и, главное, ради кого ты здесь, – сказал сам себе Александр. – Возьми себя в руки!»

Вот, наконец, и опора. Она была значительно больше той, по которой спустился Александр. В ней по обеим сторонам располагалось по десятку больших пассажирских лифтов, которые вели к верхней площадке Вокзала с «Залами ожидания последних минут». Но пользовались ими сейчас крайне редко. Александр быстро прошёл мимо их закрытых дверей, призывно подмигивающих своими датчиками и панелями управления. За углом показался Рынок Под Эстакадами: пара десятков фургонов, выстроившихся наподобие улицы с небольшим разрывом в дальнем конце. В том месте через дренажный канал был переброшен древний ржавый ободраный армейский понтон.

Рубик

Рынок Под Эстакадами появился ещё до Войны. Александр хорошо помнил этот рынок по своим детским воспоминаниям. Да и видеозаписей было предостаточно: его папа любил снимать это «экзотическое место». Они не раз заходили сюда, «охотясь», за чем-нибудь интересным и необычным (правда, втайне от мамы и бабушки, поскольку уже тогда это место имело дурную репутацию). Располагался рынок не совсем там, где сейчас. Тогда ещё не было ЕТМ. Слева, за рекой – где сейчас дренажный канал, – проходила ещё та старая рельсовая «железка». А здесь, на месте ЕТМ, была замороченная развязка автодорог. Рынок располагался рядом с этой развязкой на территории давно уже заброшенного завода. Каждое утро эту территорию заполняли несколько тысяч разномастных пикапов, автофургонов, минивэнов... Торговали «прямо с колёс»: рынок был не легальным и в случае облав – проводившихся регулярно, – те, кто был ближе к краю, тут же «рвали когти», те, кто был ближе к центру, понятное дело, не успевали этого сделать, но успевали попрыгать товар и задраить двери, – и рынок оказывался состоящим из одних покупателей.

Возник же он после того, как сначала были упразднены все платёжные средства – деньги, банковские и кредитные карты... – кроме потребительских чипов личных коммуникаторов, а вскоре была запрещена продажа товаров без маркировочных чипов, где фиксировалась вся информация о производителе, свойствах товара, фирмах, доставлявших и продававших товар, его цене... Понятное дело, чипы первое время подделывали в массовом порядке. Потребительские чипы были ещё не скоро оснащены автоматическими системами чтения маркировочных чипов, нужно было самим делать специальные прошивки, которые к тому же часто глючили... Не всем хотелось с этим возиться... В общем, в торговых сетях ещё долго было полно товаров с «левыми» маркировочными чипами. Но периодически партии таких товаров выявляли и тогда они оказывались на рынках вроде Рынка Под Эстакадами. Там же пытались продать товар мелких производителей и небольших ферм, которые не имели средств на установку систем маркировки или просто не успели этого вовремя сделать. Ну и, конечно, такие рынки тут же дополнились традиционными барахолками, потому что народ нищал стремительно и хоть таким образом пытался «держаться на плаву».

Они с папой «лазили» в основном по этой барахолке. Папа выискивал какие-нибудь редкости для своих коллекций или на сувениры друзьям и знакомым. Иногда находили что-нибудь и для него. Бывало это довольно редко, потому что трудно было найти что-либо, чего не было в огромной коллекции игрушек его папы, которые бережно сохранил дед. Ему тогда особенно нравилось играть в простые кубики. Им было уже почти сто лет. Они были деревянные с облезшей местами краской. Но было так здорово построить из них большой яркий замок, а потом запустит в него оставшиеся кубики! Кубики разлетались с грохотом во все стороны! А он в восторге скакал и кричал! Ещё ему нравились старинные детские книжки: всего четыре-шесть листов из плотного бумажного картона с большими яркими картинками. Их была целая гора. «Набесившись», обессиленный он усаживался у этой горы, с увлечением их рассматривал и читал небольшие пояснения – обычно в виде коротких стихов, – к этим картинкам. Давать эти книжки ему стали, как только он научился сидеть. Он с удивлением узнал об этом, просматривая семейный видеоархив. С чтением сразу получалось не очень. После двух-трёх минут разглядывания книги он старательно начинал её рвать. Пытался рвать, потому что толстые картонные страницы разорвать не хватало сил, а переплёты дед – наученный опытом подобного обращения ещё его папой, – проклеил прочным «нано-скотчем»... На обратном пути они заходили в продуктовые ряды, где папа покупал для деда домашнего вина, а для бабушки – свежей «настоящей» клубники или вишни, которые тогда ещё кое-где здесь росли, но стоили ужасно дорого. Дед брал вино с благодарностью, но как должное, а бабушка – кото-

рая прекрасно понимала, откуда эта роскошь, – начинала «выговаривать» папе, но, когда всё принесённое с удовольствием выпивалось и съедалось, тоже благодарила папу и «целовала его в носик». Пап «недовольно» морщился, но видно было, что он счастлив...

С началом Войны Рынок Под Эстакадами умер. Но как только ситуация немного стабилизировалась – тут же возродился. Правда, продавали теперь здесь практически только то, что находили «искатели». Первые годы там действительно было много по-настоящему ценных и интересных вещей. Но со временем их вытеснили подделки разной степени искусности. «Золотой век» Рынок пережил во время Последнего Скачка Цен и в те несколько лет, когда ЕТМ была оживлённой транспортной артерией. Многотысячные толпы консультантов и командировочных, представителей различных фирм и компаний, приезжавших в Корпорацию и Сити, просто проезжавших, решивших здесь задержаться на пару дней, ежедневно заполняли Рынок в поисках «экзотичных сувениров», а то и «настоящих редкостей» и «неизвестных шедевров». Именно тогда Рынок и стали заполнять всевозможные подделки... Сейчас там сложно было найти что-либо стоящее, торговцев остались единицы, да и мало кто сейчас туда заходил. Александр несколько раз бывал на Рынке, когда приезжал сюда, но ни разу не встретил там ни одного покупателя. Что давала эта так сказать «торговля», он долго не мог понять. И в первый приезд даже сдуру спросил об этом одного из торговцев. В ответ услышал многословный поток жалоб, что «торговли нет», что «жить совсем не на что» и тому подобное, которые сопровождались попытками всучить ему какую-нибудь дрянь...

Пришёл он сюда, когда решил «обставить» приобретённую здесь квартиру. Приехал на недавно купленной здесь ретро-«бэшке». Прогромыхав по понтону, он остановил машину метрах в пяти от своеобразных ворот – двух фургонов, стоявших параллельно друг другу и перпендикулярно остальным фургонам, вытянувшимся под эстакадой ЕТМ. Эти фургоны были сделаны на базе больших пятиосных автобусов, которые используют трансконтинентальные транспортные компании. Настоящие дома-магазины на колёсах: на втором этаже – жилые помещения для хозяина, большую же часть первого этажа занимал «торговый зал», в котором спокойно, не досаждая друг другу, могли разместиться двенадцать – пятнадцать покупателей. Магазин естественно переходил в тент с системой кондиционирования и воздушной термовесой по периметру. Здесь располагались выдвижные витрины, кресла для отдыха покупателей и всё такое. Рынок и по сей день считался нелегальным. Но уже много лет никто торговцев не «гонял». Поэтому всё лето от сезона ливней до сезона ливней эти фургоны постоянно стояли здесь, а их хозяева почти постоянно в них жили, карауля удачу.

Его скромная машина, видимо, не произвела впечатление на владельцев крайних фургонов. Они даже не удосужились выйти. И ему первое время пришлось довольствоваться назойливой болтовнёй продавца-бота. Он уже имел опыт посещения подобных рынков во фритаунах и городах так называемых «территорий догоняющего развития» (кто придумал это идиотское название? лично он не заметил там даже признаков стремления «догонять» и «развиваться»). Он не спеша методично обследовал содержимое магазина. Почти всё было крайне примитивными подделками. Это становилось ясно, стоило только взять вещь в руки, а то и просто внимательно её осмотреть. Лишь несколько предметов вызвали подозрение на подлинность. Но даже поверхностное сканирование товарным анализатором тут же выявляло подделку. Не те материалы, другие способы обработки, другая структура и элементная база... Он уже разочаровано направился к выходу из фургона, как из минилифта в глубине магазина выскочил его хозяин.

– Да-а-р-а-а-гой! Зачем уходишь?! – Александр был уже под тентом, и хозяин магазина проворно выскочил перед ним, преградив дорогу. – Извини, что сразу не вышел: как на зло был важный разговор... Я сказал, соединюсь позже! У меня важный клиент! ... Это я не Вам – Александра удивляла и смешила манера этих людей постоянно переходить с «ты» на «вы»

и обратно, а также их постоянный трёп по коммуникаторам. – Я сразу понял, что Вы не обычный клиент. Я вижу понимающего человека с первого взгляда. Но я подумал, зачем мешать. Пусть человек сам посмотрит и оценит. И я убедился – Вы понимающий человек! Я тебе честно скажу, всё, что ты видел, это так, ерунда, для туристов. Для понимающих людей я всё доставлю под заказ. Скажи, чего хочешь – и Арам достанет! – Александр вкратце объяснил, что недавно приобрёл здесь квартиру и хочет обставить её в «довоенном стиле». Арам поцокал языком и понимающе-одобрительно закивал головой. – Сразу видно человека не просто понимающего, но и со вкусом. Но ведь сколько лет прошло... где сейчас такое найдёшь? Но Арам знает где. Сейчас закрою магазин, вызову машину...

– Сейчас не надо – сказал Александр, – у меня нет времени на поездки. Дайте id-code Вашего коммуникатора, и я свяжусь с Вами, когда будет свободное время...

– Как скажешь, д-а-а-р-а-а-гой! Дальше можешь не ходить: всякую ерунду будут предлагать, да и обмануть могут... Всё равно вернёшься к Араму...

– Обязательно вернись. Я просто прогуляюсь дальше из любопытства.

– Любопытство не порок, – философски заключил Арам. – Прогуляйся, прогуляйся, д-а-а-р-а-а-гой! Всё равно вернёшься к Араму...

Торговец из фургона напротив уже поджидал Александра у самого края термозавесы тента своего магазинчика. И история повторилась почти «один-в-один». Безрезультатное обследование содержимого магазина. Цокание языком и обещание «всё достать для понимающего человека». Запись id-code коммуникатора. Обещание вернуться... То же с небольшими вариациями происходило и дальше...

Когда Александр вышел из второго фургона, обогнул его и пошёл по «улице», вдоль которой вытянулись остальные фургоны, – их хозяева уже выстроились в «сторожевой стойке» у самых краёв тентов своих магазинчиков. Прогулка по этой импровизированной «торговой улице» невольно вызвала у него ассоциации с небольшими передвижными зверинцами, которые он многократно посещал во всё тех же «догоняющих регионах», выискивая исчезающие виды животных. Торговцы как бы метались в невидимых клетках, обозначенных границами тентов их фургонов. Когда он шёл ровно посередине трёхметрового просвета между тентами, хозяева обоих фургонов, вдоль которых он шёл, молча сопровождали его вдоль невидимых границ их «клеток». Но стоило ему сделать хоть пару шагов к одному из фургонов, как его хозяин «вырывался из клетки» и всеми способами старался затащить его в свой магазинчик. Как только Александр делал несколько шагов назад, разочарованный торговец возвращался в свою «клетку», но из другой тут же выскакивал его конкурент напротив. То же происходило, когда он пересекал границы соседних фургонов: сопровождавший его вдоль передней границы тента хозяин магазинчика вдруг останавливался, как бы наткнувшись на невидимую стену, а с другой стороны этой невидимой стены Александра поджидал хозяин следующего фургона...

Только в самом конце «улицы» этот ритуал неожиданно был нарушен. В дальнем конце «улицы» замыкалась фургоном, стоявшим поперёк. Выйдя из крайнего магазинчика по левую сторону «улицы», Александр направился к находившемуся напротив крайнему магазинчику по правой стороне. Но поджидавший его там торговец вдруг замаялся и стал выжидательно и тревожно поглядывать на хозяина «торцевого» фургона. Замешательство продолжалось с полминуты. Наконец хозяин «торцевого» фургона сказал: «Ну что ты стоишь? – Обслужи-вай клиента!». Хозяин крайне правого магазинчика продолжал нерешительно переминыться с ноги на ногу: «Может, лучше сразу ты?...» «Торцевой» хозяин вздохнул и неожиданно вместо того, чтобы зазывать в свой магазин, предложил: «Вы, наверное, устали. Столько бродите по нашему Рынку. Может, присядете? Я вам налью зелёного чая, а Вы мне расскажите, что Вы здесь ищите. У меня замечательный чай! Настоящий! Не эта бурда из одноразовых капсул...»

Заинтригованный, Александр повнимательнее осмотрел этих двух продавцов. Их внешний вид разительно отличался от внешности остальных торговцев Рынка. Те все были как бра-

тъя близнецы – мужчины неопределённого «среднего возраста» с усами, характерной формой носа, коротко стриженными густыми жёсткими чёрными волосами и коренастыми округлых форм фигурами. Эта округлость особо привлекала внимание, потому что видно было, что они регулярно пользуются вполне современными системами body-modeling. Значит, эти своеобразные фигуры поддерживались специально, следуя какому-то своему традиционному «эталону мужской красоты», который существенно отличался от спортивного и эльфовоподобного эталонов фигур, мода на которые господствовала в Корпорации и Сити. У этих же двоих тоже были носы характерной формы, густые жёсткие волосы и усы (правда только у одного из них, того, что выглядел помоложе), но фигуры у них были достаточно стройные и спортивные. Правда, один из них, тот, что помоложе, не пренебрегал современными технологиями моделирования тела. Но тот, кто постарше, принципиально не пользовался такими технологиями. Своё прекрасное состояние фигуры и здоровья поддерживал, очевидно, исключительно регулярными тренировками и традиционными био-восстановительными комплексами. Он даже не считал нужным скрывать седину своих волос. И не особенно рьяно боролся с морщинами. И эти сохранённые морщины, особенно у глаз и рта, выдававшие добродушную лукавость характера, располагали. И вообще от него – несмотря на хитринку, поблёскивающую в его глазах, – веяло искренностью и благодушием.

Александр без особых раздумий согласился выпить чаю. Чай оказался не то, чтобы «ах!», но вполне пристойный и, главное, мастерски заваренный в старинном керамическом чайнике. После того, как он сделал пару глотков и выразил восхищение чаем, хозяин магазинчика ещё раз мягко повторил вопрос: что Александр пытается найти на их Рынке? Александр ответил уже самому ему порядком надоевшими фразами. Но ответ торговца не устроил. Он стал спрашивать о планировке его новой квартиры, где и что он собирается поставить, как вещи должны выглядеть... Сдвинув посуду на край стола, освободил место перед Александром. Со скатерти исчез яркий цветочный рисунок, и она превратилась в графический планшет, на котором Александр чайной ложкой нарисовал план своей квартиры, где и что собирается поставить, набросал эскизы диванов, кресел, шкафов... Торговец всё это внимательно рассматривал, также внимательно слушал пояснения Александра потом, вдруг, выпрямился и решительно сказал: «Понятно. Вам нужна обстановка квартиры пожилой интеллигентной семьи накануне Войны». Александр согласился с этой точной, лаконичной формулировкой и подумал, почему он сам не прибёг к ней, но тут же сам себя оправдал: все предыдущие торговцы, наверное, просто не поняли бы слова «интеллигентный»...

Когда они прощались, торговец низко поклонился, как бы выражая глубокое почтение. На самом деле он наклонился к его уху – точнее чуть ниже, так, что его рот оказался ниже плеча Александра, чтобы «подслушки» остальных торговцев, которые всё это время внимательно наблюдали за их беседой, удобно устроившись в креслах у самых краёв своих тентов, ничего не смогли уловить, – и чуть слышно прошептал: «Я гарантирую подлинность всех вещей. Продам всё в два раза дешевле ИХ.... И гарантирую безопасность».

Последняя фраза мало удивила Александра. Он прекрасно понял, о чём шла речь. Было немало случаев нападений, исчезновений – правда, как правило с последующим «нахождением», – посетителей Рынка Под Эстакадами. Местная полиция всё вешала на «монстров» и не находила никаких признаков причастности к этим случаям торговцев с Рынка. Но были серьёзные основания сомневаться в таких выводах. Поэтому Александр приехал на следующий же день на встречу с Арамом – он, конечно же, не стал нарушать данных обещаний и договорился о встрече со всеми торговцами ровно в том же порядке, в каком посетил их магазинчики, – на экспедиционном броневику Совета, взятом из гаража Библиотеки.

Увидев броневик Александра, Арам как-то сразу сник.

– Ну зачем Вы так себя утруждали? – вяло сказал он. – Мы вполне комфортно можем разместиться вдвоём в моём пикапе...

– Я как-то привык всегда на своих колёсах. Показывайте дорогу. Куда едем?

Арам без особого энтузиазма направился к своему мощному трёхосному бронированному пикапу...

Прогромыхав по понтону, они свернули налево и по остаткам дороги, испещрённой трещинами и выбоинами, поехали на север. Дорога шла с небольшим подъёмом и у вершины холма плавно сворачивала на восток. У поворота среди развалин домов зияла короткая, но широкая балка. Как только они миновали эту балку, из неё выехали два больших бронированных джипа с мощными килеобразными «кенгурятниками» и пулемётными башенками. Проскочив район полуразвалившихся небольших коттеджей, кое-где утыканных остатками высохших деревьев, не доезжая моста старинной развязки дорог, свернули влево-вниз, пересекли поперёк проходящую под мост дорогу и по противоположному подъёму развязки вернулись на дорогу, по которой ехали. Смысл этого странного манёвра Александр понял, взглянув на монитор заднего обзора: мост напоминал решето, оцетинившееся прутьями арматуры, – машина могла, конечно, и не провалиться, но колесо вполне могло «сесть» по самую ось и тогда сам не выберешься, а помощи здесь ждать не от кого. Не успел он всё это подумать, как пикап Арама остановился то ли у ангара, то ли небольшого цеха завода. «Нет, – сказал сам себе Александр, внимательно осмотрев окружающие ангар развалины. – Здесь, очевидно, был какой-то исследовательский центр. Вот административный корпус, это – лабораторный, там – склад, а здесь, в ангаре, было, видимо, опытное производство». Все эти здания, кроме ангара, были в удручающем состоянии: крыши провалены, оконные проёмы зияли пустотами со следами пожаров, административное здание потеряло несколько верхних этажей, и сейчас его четвёртый – теперь самый верхний, – этаж был украшен причудливым гребнем остатков стен... Но за состоянием ангара, очевидно, постоянно и тщательно следили, сохраняя при этом наружную неряшливость и обшарпанность, чтобы он не «бросался в глаза» на фоне окружавших его развалин.

Арам вышел из пикапа и, махнув Александру рукой, направился к ангару. Одни из ехавших за ними джипов промчался мимо и остановился метрах в двухстах дальше у развилки дорог, левый поворот которой вёл к развалинам Старого Сити, которые начинались в полукилометре севернее, прямо напротив ангара. Второй джип остановился метрах в пятидесяти сзади.

Александр активировал по максимуму двигательную и световую активность внешнего оборудования своего броневи́ка. Вышел из него, не спеша демонстративно осмотрелся и пошёл за Арамом...

...Едва Александр вошёл вслед за Арамом в ангар, как он услышал характерный звук работы механизмов, блокирующих входную дверь. И за его спиной появилась парочка незнакомцев. Он ожидал нечто такое. Поэтому просто надел шлем, который нёс в руке и активировал электромагнитную защиту. Арам с минуту удивлённо смотрел на Александра. Затем закрыл ладонями уши. В глазах его появился всё возрастающий ужас... Александр погромче включил шлемовый динамик и крикнул: «Разблокируйте дверь!» Но было уже поздно. Арам скрючившись забился под ближайший стеллаж и, судя по судорожно открытому рту, дико орал. Александр повернулся к двери – те двое были в таком же состоянии. Он поднял с пола модуль дистанционного управления оборудованием ангара и разблокировал входную дверь. Подождал с полминуты, снял шлем и, прихватив модуль управления, пошёл осматривать ангар, предложив Араму с друзьями возможность спокойно прийти в себя...

Внутри ангар напоминал мебельно-хозяйственный торговый центр стародавних времён. Ряды высоких стеллажей, площадки с выставленной мебелью и бытовым оборудованием... Александр быстрым шагом прошёл по этим площадкам и вдоль всех этих стеллажей, осмат-

ривая их быстрым, цепким, тренированным взглядом. Не было смысла даже уточнять подлинность выставленных вещей. Всё было «не то». Вычурная пафосность, крикливая аляповатость, замороженная надуманная «простота» техно-модерна... ничего такого никогда не было в квартире его бабушки и дедушки. Только в самом дальнем углу, где беспорядочной толпой стояли разномастные стулья, кресла, табуретки, он сразу приметил низенький кожаный табурет. Похожий стоял в кабинете деда. Сидя в кресле с книгой в руках, он клал на него ноги. Александр внимательно осмотрел табурет. Потёртая, немного ссохшаяся кожа, ободранный металл ножек-колёсиков... – всё говорило о подлинности вещи. Проверил товарным анализатором – натуральное, местами уже слегка потреснувшее, дерево, кожа, хромированный металл... «Да, это вещь «с тех времён» – подумал Александр и отнёс табурет в сторонку. Оставался последний стеллаж, где навалом лежал всякий «хабур-чебур», как говаривала бабушка. Там он обнаружил салфетки-подставки, сплетённые из тонких ивовых прутьев и покрытые старинным лаком для дерева. Их было, правда, всего четыре и узор был не тот, что у тех подставок, которые бабушка выкладывала под чайные пары, но всё равно, это тоже были явно вещи «оттуда»...

С помощью прихваченного модуля управления оборудованием ангара, он вызвал бота-грузчика, сам аккуратно положил на его «грабли» табурет, а на него салфетки-подставки, дал боту команду двигаться к выходу и пошёл следом.

Арам с друзьями уже очухались.

– Что это было? – осторожно-опасливо спросил Арам.

– А что случилось? – «удивился» Александр.

– Да так, что-то примерещилось – с трудом скрывая злобу, ответил Арам.

– Я это беру – сказал Александр, указывая на «грабли» бота.

Арам оживился:

– Мне надо посоветоваться с хозяином – сказал он после небольшого раздумья. Он взял под руку стоявшего рядом одного из дружков и отвёл его в сторону, вроде как «посоветоваться», хотя и дураку было ясно, кто здесь реальный «хозяин». Скоро он вернулся и назвал довольно приличную сумму. Но Александр не стал спорить и торговаться.

– Хорошо – сказал он и направился к выходу, «гоня» перед собой бота.

– Э! Ты куда! – испугано закричал Арам. – А расплатиться?!

– Приедем на Рынок и расплачусь.

– Но расплатиться надо здесь, с хозяином...

Всё это было настолько «шито белыми нитками», что Александр не удержался от смеха.

– Ну, во-первых, я просто не могу здесь расплатиться: кредитно-расчётная система Корпорации блокируется за границей города, – а мы, как я понимаю, за этой границей – соврал Александр. – А, во-вторых, это твои проблемы, я договаривался с тобой, ты мне обещал достать, всё, что я пожелаю. С тобой и расплачиваться буду.

Арам окончательно сник и понуро побрёл за Александром. Молча открыл грузовой отсек своего пикапа. Бот аккуратно загрузил туда покупки. Александр кинул модуль управления приятелям Арама, стоявшим у входа в ангар, и сел в свой броневик.

Джипов «сопровождения» уже не было видно.

Тем же путём они вернулись на рынок, и тут начался новый «цирк».

Оказалось, что у всех этих торговцев было несколько десятков кредитно-расчётных модулей разных экзотических платёжных систем, зарегистрированных во фри-таунах и богом забытых странах. Арам около получаса очень громко и эмоционально с кем-то советовался по своему коммуникатору, в какую из них перевести неожиданно привалившие деньги. И никак не мог решиться: одни советовали одно, другие другое... На самом деле все эти системы были мыльными пузырями. Существовали по два-три месяца, самое долгое по полгода, а затем лопались. И весь смысл держания такого многообразия платёжных модулей был в том, чтобы угадать

момент, когда из старой системы перевести накопившиеся средства в новообразовавшуюся, обещающую очередные «золотые горы»...

Наконец, Александру это надоело, да и хозяин фургона напротив уже нетерпеливо «бил копытом»: пришло назначенное ему время. Арам, вздохнув, пробормотал какие-то заклинания и назвал четыре платёжные системы, куда Александр равными частями перевёл оговоренную сумму со своего счёта платёжной системы Корпорации.

Поездка со следующим торговцем сложилась почти таким же образом. Только ангар был чуть поменьше и в другом месте. И всё обошлось без джипов «сопровождения». Из этой поездки он привёз большую фаянсовую вазу, расписанную яркими цветами в сине-зелёных тонах. Такие вазы, как и много других вещей из фаянса, в начале века изготавливались на небольшом заводике в городке, когда-то располагавшимся километрах в двухстах к востоку от Города. Бабушке очень нравились вещи этого заводика, и в доме их было множество.

После такой же мучительной процедуры выбора платёжных систем для перевода заработанного, Александр направился к следующему торговцу. Но тот отказался от поездки, сославшись на поломанную машину.

На следующий день от «поездки за товаром» под разными предложениями один за другим стали отказываться хозяева других магазинчиков. Наконец пришла очередь последнего. Тот сразу согласился, хотя до заранее оговоренного времени было несколько дней: «Всё равно торговли нет. Да и сын присмотрит, если что».

На этот раз пришлось удивляться Александру. Торговец поджидал его у «ворот» Рынка один, без машины.

– Зачем мне бить свою машину? – объяснил он в ответ на вопросительный взгляд Александра. – Мы вполне сможем разместиться в Вашей. Сразу забирать ничего не будем. Всё подберём, а потом вызовем трейлер с погрузчиками и доставим Вам домой.

Александр не возражал, но ему показалось, что торговец что-то не договаривает.

Торговец удобно устроился на втором переднем сиденье рядом с Александром и, довольно ухмыляясь, сказал: «Ну, Вы хорошо проучили этих шакалов!»

– Куда едем-то? – спросил Александр и после того, как торговец протянул ему внешний модуль своего коммуникатора, на дисплее которого была выведена карта с отмеченными местами целей их путешествия, и система управления броневика считала координаты, задал уточняющий вопрос:

– Вы имеете в виду Ваших друзей с Рынка?

– Э! Какие они мне друзья?! Шакалы! Настоящие шакалы! Понимаешь, давно был такой бизнес, не совсем честный, конечно, но я сам пацаном им немного промышлял: аккуратно взять на время банковскую или кредитную карту у какого-нибудь жирного кота. Потом появились потребительские и расчётные модули. И наш Рынок. Поначалу мало что изменилось в этом бизнесе. Первые кредитно-расчётные модули просто вставлялись в коммуникаторы. Надо было только работать пошустрее. За пять-десять минут «обнулить» модуль в свою пользу, пока его не заблокировали. Работали профи и всё был по-честному: не разевай варежку. Но когда появились идентификационные чипы, а затем чипы безопасности, честно работать стало невозможно: без импульса подтверждения чипа безопасности расчётные модули не работали. И тогда появились эти шакалы. Их было немного. На весь рынок – а тогда в самый захудалый день здесь стояло не меньше пятисот фургонов, – их было человек тридцать. Но они чётко работали, брали самых «жирных», кто-то им давал точные «наводки». Тогда они держали целую команду сильных гипнотизёров...

– ОНИ – это кто?

– Сначала Большой Папа, потом Махмуд... Но, когда Рынок стал хиреть, гипнотизёры один за другим разбежались. Последний ушёл лет пять назад, говорят, переманили в «Ста-

дион». И тогда в своих складах они оборудовали комнаты со специальным оборудованием для подавления воли, чтения мыслей и всего такого...

– Откуда ж у них появилось такое нехилое оснащение?

– Что-то забрали из «Госпиталя», который незадолго до этого закрыли, что-то, наверное, дают из «Стадиона», а что-то Ваша Красавица...

– Какая Красавица? – удивился Александр.

– Ну эта, хозяйка Оздоровительного Центра Корпорации.

Александр усмехнулся: никогда не подумал бы, что Ведьме можно дать такое прозвище. Впрочем, этот человек, к его счастью, видел её только на приличном расстоянии. А издали она, может, и выглядит красавицей. Вот бы порадовалась, если б узнала.

– Но ведь махмудовские бойцы тупые мясники – продолжал между тем торговец. – Что они понимают в том оборудовании. То не в той последовательности что-то включают, то не ту мощность дадут.... В общем, народу за это времени они загубили немало и без всякой пользы для себя...

– И что все торговцы с Рынка работают на Махмуда?

– Все.

– И Вы?

– Я – нет.

– И почему же?

– Потому, что Рубик не шакал. Кстати, я – Рубик – Александру, конечно же, давно было известно имя торговца из его Идентификатора, но эта стародавняя «привычка вежливости», расположила его ещё больше, и он в свою очередь тоже официально представился.

– И Махмуд тебя оставил в покое? – не унимался Александр, перейдя на «ты» после «официального знакомства».

– Не сразу, конечно. Присылал своих бойцов. Говорят: Махмуд советует тебе подумать. Я подумал и поехал к Махмуду. Сказал ему: «Махмуд-джан, хочешь забрать мой фургон – забери! Хочешь убить меня – убей! Но знай – не будет Рубика, не будет Рынка Под Эстакадами. Потому что, чтобы Рынок жил, на нём должен быть хоть один настоящий торговец. А Рубик – Последний Из Первых. Я ведь – пояснил Рубик свой оригинальный титул, – поставил свой первый фургон на этом Рынке ещё до Войны.

– И Махмуд оставил тебя в покое? – недоверчиво спросил Александр.

– Махмуд – тоже шакал, Большой Шакал. Но у него есть мозги и он понял, что я прав.

– А эти остальные, значит не настоящие торговцы?

– Вай ми! Какие они торговцы?! Куклы! Как это... био-боты! Так сейчас говорят. Нет, они вроде люди. Но у них нет ни своих мозгов, ни своей воли. Только жадность осталась. Махмуд забирает товар у «искателей» и «мастеров», хотя их у него уже почти нет. Собирает всё это в свои склады. Дает им фуруны. Но разве они торгуют. Они сидят и ждут лоха, чтобы навешать ему лапши на уши и отдать махмудовским бойцам. Что они знают о торговле?!

– А что ты знаешь о торговле?

– Рубик прожил жизнь на Рынке. Может, конечно, он не знает всего, но он знает главное: торговец должен любить свой товар, должен любить и уважать себя и своего покупателя. Если доволен покупатель, если доволен продавец, если хороший товар попал в хорошие руки – это и есть хорошая торговля. Посмотри покупателю в глаза, пойми, чего он хочет, и не будь жадным...

– Но ведь ты, получается, играешь здесь роль наживки для шакалов Махмуда.

– Получается – со вздохом согласился Рубик. – А что делать? Надо как-то жить. Но на моих руках нет чужой крови...

– А почему ты не уедешь?

– Куда и на какие средства? Где и кому нужен старый мелкий торговец? Жить на пособие в каком-нибудь фри-тауне? Да и в приличный фри-таун меня не пустят. Ведь у нас только старые Идентификационные чипы без Модуля Безопасности. А без него, даже если мне смогут помочь каким-то образом выехать на ЕТМ, то на границе любого европейского фри-тауна нас в лучшем случае завернут обратно. Про поезд и говорить нечего: перед нами просто закроются двери вагона и тут же сцапает транспортная полиция... Пробиваться своим ходом на Юг? Думаю, там не лучше, чем здесь. Тут ты хотя бы всё знаешь... В крайнем случае переберусь в Город. Сына с внуками я б, конечно, отправил в какое-нибудь приличное место... хотя и плохо будет без них... Но у сына тоже нет Модуля Безопасности, а у внуков даже Идентификаторов: они ведь родились здесь, за Городом... да и у сына-то нет нормальной профессии... Может ты смог бы что-нибудь подсказать?

– Думаю, можно будет найти какой-то выход – неопределённо пообещал Александр.

Так за разговором они незаметно добрались до первой цели своего путешествия. Вокруг были бесформенные бетонные холмы разной формы, высоты и величины – остатки «коробок» жилых домов.

– Это очень старый район – сказал Рубик. – Ему почти сто лет. Я сам жил в одном из этих домов, когда молодым только приехал сюда. Этим домам тогда уже было не меньше тридцати лет. Район уже к началу Войны был наполовину пустой. В войну его почти не грабили: тогда для них здесь не было ничего ценного – обычные вещи обычных людей. Беженцы сюда тоже не очень стремились, предпочитали более современные районы. Да и жить здесь уже в самом начале Войны было почти невозможно: не было ни воды, ни тепла, ни электроэнергии... поэтому здесь много чего сохранилось интересного... для тех, кто знает, что ищет...

Они подошли к остаткам одного из зданий. Три этажа двух центральных секций были почти целыми. Центральная часть расколовшейся на три части крыши устойчиво устроилась на боковых частях, наклонно лежавших на развалинах крайних секций здания. Плиты стен верхних этажей вывалились наружу и грудой бесформенного бетона лежали перед домом. Внутренние стены сложились в какую-то хитроумную конструкцию, дополнительно поддерживающую остатки крыши. Даже стеклопакеты в окнах сохранившихся стен первых трёх этажей были почти целые...

Из открывшейся двери одного из сохранившихся подъездов вышел высокий крепкий человек в ботинках на толстой подошве, штанах и куртке из ткани «хамелеон», самостоятельно меняющей рисунок и расцветку в зависимости от окружающего ландшафта. На голове – так называемый «пробковый шлем». Их изготавливали местные умельцы. Он действительно по форме напоминал пробковые шлемы стародавних времён, только сделан он был не из пробки. В центральной его части была спрятана система кондиционирования, а в широких полях – вентиляторы, хоть как-то защищавшие от жары. Это был один из «искателей».

Искатель окинул Александра быстрым умным цепким взглядом, так и не поздоровавшись, повернулся и вошёл в подъезд.

– Пошли – пригласил Рубик и вошёл в подъезд вслед за Искателем.

От бетонной лестницы мало что осталось, но им не пришлось по ней далеко подниматься. Нужная им квартира была не первом этаже. В ней удивительным образом всё сохранилось почти не тронутым. Были только небольшие следы то ли спешных сборов, то ли такого же спешного небрежного «шмона». Всё было покрыто уже знакомым Александру слоем земли. Но здесь были видны и следы плесени, высохшие остатки мха и другой мелкой растительности... и ключья паутины. Самый большой беспорядок был в кухне. Очевидно, когда-то её не раз посещали кошки, мыши, крысы, мелкая степная живность, всё, что могло пролезть в большие щели пола. Но и эти посещения были много-много лет назад: их следы тоже покрывал слой земли.

Всё, что было в этой квартире, настолько напомнило ему ТЕ далёкие времена... у него даже перехватило дыхание. Ему показалось, что он находится в доме одного из друзей бабушки и дедушки, куда они заходили в гости, или у одного из однокурсников папы... Ему стало не по себе. Он почувствовал себя вором и, даже, каким-то гробокопателем.

– Сюда уже никто не придёт – сказал Рубик, видимо почувствовавший состояние Александра. – Эти вещи скоро просто исчезнут никому не нужные. У Вас они получают новую жизнь. Я не думаю, что их прежние владельцы возражали бы против этого...

Александр молча двинулся по квартире. На крупные предметы мебели он просто указывал Рубику и тот особым образом их помечал. Мелкие – выставлял на середину комнат.

Когда Александр закончил обход квартиры, он неожиданно для самого себя вдруг перекрестился и прошептал: «Прости меня господи, храни их или упокой их души».

Он опять почувствовал на себе быстрый цепкий взгляд Искателя. Повисла тяжёлая тишина.

– Окна придётся вырезать, чтобы вынести габаритные вещи. По лестнице – не реально, – деловитым тоном разрядил ситуацию Искатель.

– Только сделайте это, пожалуйста, поаккуратнее, а потом поставьте на место, – попросил Александр.

Искатель бросил на него удивлённый взгляд, ухмыльнулся: «За Ваши деньги любой каприз».

В этот день таким же образом они обследовали ещё две квартиры. На следующий – ещё три, но в другом районе и сопровождал их совсем другой Искатель: коренастый плотненький «живчик», скакавший по развалинам как новый хорошо надутый мячик так, что Александр за ним едва успевал, а Рубик постоянно отставал и периодически кричал Искателю, чтобы он «не носился как угорелый». Но тот не обращал на его крики никакого внимания и только лукаво-загадочно, молча, улыбался.

Третья квартира была необычной. Она принадлежала хозяину небольшого магазинчика. Александр хорошо помнил такие магазинчики: в одной квартире со стороны двора жили хозяева магазина, а сам магазин располагался в примыкавшей к ней перестроенной другой квартире, выходившей на улицу. Хотя задолго до Войны всё давно уже «подмяли под себя» торговые сети, кое-где такие магазинчики сохранялись. Такой магазинчик был в одном из домов, располагавшихся по соседству с домом его бабушки с бабушкой. Бабушка предпочитала покупать всё именно там, заходя в сетевые магазины только в случаях крайней необходимости. Почти всякий раз, гуляя с ним, она заходила в него. Бабушка обязательно минут пять-десять болтала или с хозяйкой магазинчика или с одной из «девочек» – как она их называла, – работавших в нём. Они обсуждали достоинства и недостатки разных товаров, обменивались жалобами на жизнь...

Эти магазинчики пострадали самыми первыми, в самом начале Войны. Многие, даже раньше, только, когда эта Война назревала: в нарастающем бардаке, власть теряла реальный контроль в периферийных районах, оставляя их население на произвол судьбы. Озлобленное, полуголодное население этих районов первым делом разграбляло такие магазинчики. Поначалу их пытались защищать: бронировали окна и входные двери, ставили мощные решётки, на ночь закрывали бронированными щитами... Но это спасало ненадолго...

Этот магазинчик тоже много лет назад, видимо, пытались «вскрыть», взорвав закрывавшие его бронированные щиты. Но перестарались. Взрыв оказался слишком мощным. Бронированные щиты отбросило на улицу, но стена магазина рухнула целиком внутрь, а на неё упала плита перекрытия верхней квартиры. Решив, что тут уже ничего путного не найдёшь, магазин оставили в покое...

Когда они вошли в квартиру хозяина магазинчика, Александр удивился, зачем они сюда пришли. Всё в квартире было оляповато-вычурной дешёвой симуляцией «роскоши». Вместо

ответа на удивлённый взгляд Александра, Искатель провёл его в самую дальнюю комнату. Там была «подсобка», комната с запасом товара, отделённая от магазина укреплённой стеной с бронированной дверью. Нападавшие или не подозревали о её существовании, или не стали сюда лезть, опасаясь отпора хозяев, которые в то время, очевидно, здесь ещё жили. А следующие волны грабителей обходили дом стороной, полагая, что магазин давно разграблен. Подсобка была совсем не тронутой. В неё даже не навевывалась никакая живность, потому что стены, пол, потолок были покрыты пенопластиком, который то ли оказался слишком прочным для их зубов, то ли совсем не пропускал запахов, и они «не заметили» это хранилище жизненных припасов.

Почти весь товар лежал грудami на полу – попадал с полок во время землетрясений. Александр начал было их осматривать, но Искатель тронул его за руку, отрицательно помотал головой и поманил за собой, открыл дверцу какого-то шкафа – там оказалась площадка подъёмника. Подъёмник исправно работал. И пока они спускались, Александр по его состоянию понял, что за ним давно хорошо следят и нередко им пользуются.

Они спустились в обширный подвал, занимавший всю площадь как под квартирой, так и под разрушенным магазином. Хозяева магазина в своё время не стали экономить ни на прочности подвала, ни на его тепло и гидроизоляции, ни на его системе вентиляции. Последнюю, видимо, давно, как и подъёмник, восстановили и тщательно поддерживали. Также давно и тщательно здесь поддерживались чистота и порядок. Никакой грязи, мусора или, даже, следов пыли. Всё аккуратно расставлено по стеллажам.

Александр начал было по привычке осматривать стеллажи, но Искатель опять остановил его и кивком головы указал на середину центрального прохода. Там стоял плотно уставленный погрузочный поддон. В основном там были бутылки с разнообразными спиртными напитками и какие-то продукты в термо-вакуумных контейнерах.

– Проверено, безопасно, готово к употреблению – сказал Искатель.

Александр молча кивнул головой, давая понять, что всё берёт, но обход свой, тем не менее, продолжил. Быстро пробежался по продуктовым рядам. Задержался у нескольких последних стеллажей с «хозяйственной мелочёвкой», которая обычно всегда была в таких магазинчиках, и отобрал кое-что для кухни и ванной комнаты. В дальнем углу остановился у пирамиды из пивных термо-кег. Искатель опять счёл необходимым заговорить:

– Здесь, как повезёт. Если не жадничали и наливали «под завязку», а пробку плотно закручивали, то может быть очень даже приличный напиток. Но сорок литров сам сразу не выпьешь и, если окажется стоящая вещь, большая часть пропадёт. – Жалко. Обычно открываем «по случаю»...

...Почти всё, взятое тогда из заброшенного магазинчика, действительно оказалось отменного качества. Особенно, коньяк. Вино в нескольких бутылках перекисло, но в остальных тоже было замечательное. Хорош был и твёрдый сыр, и некоторые кондитерские изделия: тёмный шоколад, сухие бисквиты... В тот год он впервые удивил и порадовал домашних и друзей редкими «сувенирами», привезёнными с «родины предков»...

Но на третий день его «торговых экспедиций» с Рубиком произошёл очень неприятный конфуз.

Искатель – опять новый, – привёл их в небольшую квартирку: узкий коридор метров пять в длину, в конце которого виднелись две небольшие глухие двери, очевидно, в туалет и ванную, а по бокам три застеклённые двери побольше, две слева и одна справа. «Как они в этой тесноте жили, ещё целыми семьями, – подумал Александр. – Тут и одному особенно не развернуться». – И открыл дверь по правой стороне. Сделал только один шаг и замер. Он не запомнил ничего из того, что было в той комнате, кроме небольшой скромной двуспальной кровати. Да и саму кровать он толком не помнил. В память врезалось то, что он увидел на ней – два скелета, одетые в спальные пижамы. Пижамы были из яркой, дешёвой, но очень прочной синте-

тической ткани и выглядели «как новые». Скелеты лежали, обнявшись, и голова одного из них покоилась на плече другого. Всё это вместе – и яркие, почти не тронутые временем пижамы, и позы, в которых замерли скелеты, – создавали впечатление глумливого издевательства над человеческой жизнью... Александр вышел из комнаты и стремительно направился к выходу. Краем уха он услышал, как Рубик кричал Искателю: «Я же говорил, квартиры должны быть чистыми!»...

Рубик, молча, влез в броневик и с какой-то виноватой неуклюжестью в движениях стал моститься в «своём» кресле. У Александра не было никакого желания продолжать их «экспедицию». У Рубика, видимо, тоже.

– А поехали ко мне – сказал он. – Я приглашаю тебя в гости. Познакомлю с женой... выпьем за упокой неприкаянных душ...

Когда броневик направился в обратный путь, Рубик вдруг сказал:

– Мои родители тоже, наверное, где-то так же лежат... Не сумел их вывезти в Город. Много раз пытался. Но не мог уговорить. Не хотели бросать дом, хозяйство. Думали, что оно их спасёт. Их село было совсем рядом. Километрах в сорока к северо-западу от нынешнего Купола Корпорации. Ещё когда я уезжал в Город, – а это было лет за десять до Войны, – наше село было одним из последних нормальных в этих краях. Почти всё вокруг уже тогда было заброшено, разорено... поля, хозяйства... в опустевших сёлах в полуразвалившихся домах остались только алкаши и нарики, получавшие какие-то грошовые пособия и промышлявшие мелким воровством... Знаешь, потом – когда всё полетело к чёрту, – многие начинали рассказывать о напастях природы, об изменении климата, о пустыне... – Я их всегда спрашивал, что пришло первым, *пустыня* или *запустение*? И я знаю – первым пришло *запустение*. Не было бы этого запустения – не было бы пустыни. Природа наказывает ленивых... и жадных. Работали бы как мой отец и мать, как их соседи по селу – никакой пустыни не было бы...

– Но ведь и ты сам оставил родителей и ушёл из своего села.

– Я оставил родителей?! Э! Что ты такое говоришь!? Я уехал учиться. Конечно, уже тогда многие учились дома, дистанционно. У нас в селе тоже. Но мой отец сказал: «По-настоящему человека может научить только человек. Будешь учиться у компьютера – вырастишь компьютером. Что компьютер понимает о жизни? Езжай – и учись на биолога...»

– Ты учился на биофаке? – удивился Александр нежданно найденному коллеге.

– Один год. Потом у меня обнаружился талант...

– Какой?

– Спортивный. Оказалось, что я здорово играю в большой теннис. Но это отдельная история... В общем, меня перетащили на факультет физподготовки. Чемпиона мира из меня не получилось. Но я стал неплохо зарабатывать частным тренером. Тогда ещё многие люди с деньгами считали престижным этот спорт, у них были свои корты, и они обязательно хотели, чтобы их дети хорошо играли в теннис... Отец поначалу очень расстроился. У него были на меня совсем другие планы. Он был селекционер-любитель. Думал с моей помощью всё поставить на научную основу и «развернуться» ... Но, оказалось, что тренером я помог больше...

Рубик вздохнул, задумчиво помолчал и, не дожидаясь вопросов Александра, пояснил:

– Раньше километрах в семидесяти к западу был ещё один город. Знаешь? Да? Примерно посередине трассы, которая вела к нему, стоял посёлок. По сути, небольшой городок. Больше ста лет главным бизнесом этого городка были небольшие придорожные ресторанчики. Их было больше сотни. У каждого своя гастрономическая изюминка. И можно было найти на любой достаток. Были очень дорогие и шикарные, куда приезжали только очень «крутые», а были и совсем недорогие, куда могли себе позволить приехать отдохнуть хотя бы раз в месяц люди с очень скромными доходами. Но разница в цене не означала разницу в качестве. Везде готовили – Рубик поднёс к губам сложенные горсточкой пальцы, причмокнул и широким дви-

жением кисти развернул пальцы, – объединенье. Разница в цене была только за «понты» ... ну и за «дополнительные услуги»: бани, проститутки и всякое такое... Хозяином городка был Лаврентич. По-настоящему – Рафаил Лаврентьевич. Но он не любил, когда его так называли. Для самых близких он был Рафиком, для остальных – Лаврентичем. В то время городок уже вошёл в границы Города. Новые жилые районы вплотную подпирали с востока и с десятков новых высоток появилось на западной границе. Но для самого городка это почти ничего не изменило. Просто он стал считаться одним из районов Города...

Рубик опять немного помолчал, погрузившись в свои воспоминания:

– Этот самый Лаврентич позвал меня тренировать свою младшую дочку. Ей было тогда только семь лет. И была она от его новой молодой жены. У него было ещё три сына от двух предыдущих жён. Но с ними ему не повезло. Если честно – сам, наверное, был виноват. Пока сколачивал свой бизнес – не до них было... Но это другая история... В общем, в этой дочке он души не чаял и растил её как принцессу. Чему её только не учили... и языкам, и верховой езде, и музыке, и картины рисовать... ну и теннисом тоже решил... А охрану у него возглавлял Тигран. Мы с ним вместе учились. Только он специализировался на борьбе. Когда Лаврентич стал искать тренера по теннису, Тигран вспомнил об мне. Меня пригласили. Я провёл пару пробных тренировок... вообще-то, до того я никогда не работал с такими маленькими детьми... Но всё как-то сразу «пошло». Не знаю, чья в том была заслуга больше... его дочка оказалась очень милой смышлёной девчонкой, и мы как-то сразу с ней поладили. Лаврентич взял меня к себе тренером, но с одним условием – работать только на него. У него вообще был такой подход: или работаешь только на меня или пошёл на хер. Он у меня спросил, сколько я зарабатываю. Я ему назвал сумму в два раза больше, чем та, что я реально имел. Он, не моргнув глазом, назначил в три раз большую – для него это были не деньги. А для меня тогда это было целое состояние и при этом у меня оказалось полно свободного времени: я проводил одну часовую тренировку утром, другую вечером, а всё остальное время был предоставлен самому себе. И при этом у меня оказалось уйма денег... Наверное, всё это могло плохо кончиться: я имею в виду сочетание больших денег и массы свободного времени, – но тут начались серьёзные проблемы у моих родителей...

Рубик судорожно «проглотил» невидимый комок в горле:

– Та банда мародёров, которая называлась администрацией сельского района, поначалу не очень притесняла наше село: добавляли немного к официальным налогам, отдавали в администрацию – и всё. Вели себя они так не из каких-нибудь «соображений гуманности». Был свой интерес. У них тогда было три главных источника доходов. Несколько плантаций и ферм, расположенных на лучших землях, где как рабов гнобили собранных по всему району алкашей, ещё на что-то способных. Социальные пособия, которые они реально выплачивали не полностью и не всем, и в списках на получение которых было полно «мёртвых душ». И субсидии по так называемой программе «развития села». Эти субсидии почти полностью, как только их получали, тут же перекочёвывали на счета зарубежных банков. Тратили лишь самую малость на поддержание в более или менее приличном виде дорог, по которым приезжало начальство. Приезжало оно регулярно, чтобы проверить «эффективность использования» этих самых субсидий. И тогда их привозили в наше село и ещё в пять-шесть таких же, расположенных в других местах района. Всех во время этих экскурсий для начальства заставляли хвалить мудрость власти и рассказывать, как им помогает «программа развития села», хотя по этой «программе» они и гроша ломанного не получали... Но доходы эти постепенно стали «усыхать». Годных земель становилось всё меньше. Урожаи падали. Не мудрено при их работничках и «дедовских» технологиях. Да и качество продукции становилось всё хуже... В общем, все эти семейные плантации стали приносить всё меньше дохода, а в неурожайные годы, которые стали всё чаще случаться, вообще оказывались убыточными... Поначалу пытались компенсировать убытки за счёт социальных пособий. Их – и то, понятное дело, не полностью, – стали выплачи-

вать только в районном центре. Остальные – выживайте, как хотите. Тогда у нас в селе частью из жалости, частью, чтобы обезопасить себя от ненужных проблем, – в старом коровнике подальше от села сделали что-то вроде богадельни. Подремонтировали этот коровник, привезли кое-что из старой мебели, одежды... туда скоро сами сбродили старики, алкаши из ближайших разорённых сёл... не много, десятка три-четыре... Их стали подкармливать с двумя условиями: и близко не подходить к селу, и чтобы не бузили. Они, конечно, понемногу подворовывали с полей на самогон... Но в целом вполне мирно сосуществовали... Но тут начались проблемы с деньгами «на развитие села». Не знаю, что там реально происходило, то ли их действительно перестали давать, то ли их стали придерживать на более высоких уровнях – самим стало не хватать. Но как тогда все говорили, эти деньги сначала стали поступать с большими задержками и не в полном объёме, а затем их и вовсе перестали переводить. И тогда наши районные мародёры решили обложить усиленным оброком оставшиеся живые сёла вроде нашего. Обставлено, понятное дело, всё было чинно-благородно: нагрянули со всевозможными проверками, обложили штрафами... Народ возмутился и отказался платить. А они ещё больше стали звереть. Прислали целую банду судебных исполнителей, полицейских, прокуроров...

Лицо Рубика перекосила злая усмешка:

– Я как-то приехал домой и застал отца у его любимого детища – селекционной теплицы. Её всю разворотили. Типа, «поступил сигнал», что он в ней выращивает наркотики. Ничего, конечно, не нашли, но даже не извинились, а только оставили целую кипу штрафов, исполнительных листов, налогов... Вернулся я не в себе. Внутри меня трясло. Тренировку провёл кое-как. Лаврентич – он любил наблюдать за нашими тренировками: любовался дочерью, – после тренировки пригласил в дом. Я думал, он мне скажет что-то вроде: ещё одна такая тренировка – и будешь искать себе другую работу. Но он мне налил хорошего коньяку и когда я выпил, спросил, что у меня случилось. Я ему рассказал о своей последней поездке к родителям. «Вот волчары поганые, – сказал Лаврентич и хлопнул меня по колену. – Ничего, я что-нибудь придумаю. Ты, главное, не бери в голову и нормально работай». И он действительно придумал. Глава администрации нашего городка – он был младшим братом Лаврентича, – откопал какой-то, хрен знает, когда принимавшийся, генплан развития Города. И по нему выходило, что село моих родителей должно входить в административный район Города, которым стал наш городок. Не дожидаясь, чем закончатся административные тяжбы, начальник полиции нашего городка – он был братом второй жены Лаврентича, которую он продолжал вполне прилично содержать, только дом ей построил на самом краю городка, – тут же создал в нашем селе своё отделение с усиленным нарядом. Сделано это было не столько из «чувства справедливости», а больше потому, что и в городке появились проблемы. Качественные продукты для рестораников стало добывать всё труднее. Цены росли... А тут они получали как бы своё «подсобное хозяйство». И в селе все были довольны. С ценами не обижали. Ну немного стали платить «за крышу». Но зато стабильный рынок сбыта... Дела пошли в гору. Все как-то в нашем селе повеселели и приободрились. Я стал там уважаемым человеком... Но это счастье продолжалось не долго. Отец мне всегда говорил: «Если у тебя дела идут хорошо – это только половина дела. Смотри, чтобы хорошо шли дела у твоего соседа. Потому что, если у него начнётся пожар, можешь сгореть и ты». Но жадность и беспечность часто оказываются сильнее мудрости. И в своём благополучии люди не хотят видеть неблагополучия других...

Рубик задумчиво вздохнул:

– Давно уже стали происходить тревожные события. Из прилегавших жилых районов высоток по ночам стали нападать на окраинные дома нашего городка. В самом городке стали появляться целые семьи фермеров, владельцев магазинов, заправок, придорожных кафе, приехавших из самых разных, порой очень дальних, сельских районов, которые пытались найти у нас прибежище, но, как правило, через несколько дней двигались дальше. На трассе и главной улице, ведущей в Город, в которую она переходила, сначала усилили наряды дорожной

полиции, потом появились и бронемшины постов внутренних войск... Но в городке все друг друга успокаивали: мол, всё это временно, скоро наведут порядок...

За городом, как оказалось, всё ухудшалось намного быстрее. Приехал я однажды к родителям в гости. У ворот их дома стояли две незнакомые машины и солидных размеров грузовик. За столом с саду под навесом вместе с родителями сидела незнакомая довольно многочисленная семья. Мы познакомились. Глава этой семьи оказался не то, чтобы другом, но хорошим знакомым моего отца. В былые времена они часто встречались с отцом на всевозможных сельскохозяйственных выставках, разных фермерских тусняках... Вся семья наших неожиданных гостей была страшно напугана. А то, что они рассказали, сильно встревожило и нас. «Под крышей» Лаврентича в селе как-то не заметили, что в окружающем село районе за последние несколько месяцев ситуация резко ухудшилась. Началось с того, что всё районное начальство – глава, его замы, начальник полиции, прокурор..., в общем все, кто имел хоть какую-то реальную силу, – вдруг разом подалось в отпуск. Уехали на какие-то заморские курорты... всеми семьями... Оставили вместо себя каких-то ничего не значащих, ничего не умеющих «шестёрков». Те скоро обнаружили, что их оставили с голой жопой: все счета были пустыми. Когда настало время платить всей этой коdle смотрящих, охраняющих, выбивающих... – оказалось, что нечем. «Шестёрки» незаметно «растворились». А коdle начала делёжку. Первым делом разорили замки своих боссов. Но пожить там особенно было нечем. Всё ценное давно предусмотрительно вывезли. Даже все машины куда-то перегнали. Два-три дня шла война за те несколько хозяйств, которые ещё худо-бедно работали. В результате только растащили или уничтожили всё, что имело хоть какую-то ценность. Ни мозгов, ни желания как-то управлять этими хозяйствами ни у кого не было... Все, кто батрачил в этих хозяйствах, разбрелись. В основном двинули в Город. По ходу пытались пограбить пару сёл, которые находились севернее нашего на пути к Городу. Но от этих неорганизованных почти не вооружённых толп удалось без особого труда отбиться. Как мы потом узнали от бомжей из нашего коровника, несколько «разведчиков» из этой толпы заходили и к ним. Но те быстро сообразили, чем это им грозит. Им совсем не хотелось расставаться со своей сытой и вполне благоустроенной по их понятиям жизнью. Они понарасказали «разведчикам» страшилок, что у нас в селе стоит отряд спецназа, который охраняет, какой-то важный стратегический объект, обсуживающий трассу, – и толпа сочла за лучшее обойти наше село стороной.

Рубик опять криво улыбнулся:

– А коdle, выпустив пар и хорошо покروшив друг дружку, решила, наконец, «договариваться». Они разделились на несколько примерно равных банд, каждой из которых выделили на прокорм одно из ещё сохранившихся «показательных» сёл. После прихода за данью одной из таких банд в их село, наши неожиданные гости и решили его покинуть навсегда. Передохнув пару дней у моих родителей, они поехали дальше...

Через пару недель одна из банд решила наведаться и в наше село. Я это узнал от одного парня из охраны Лаврентича. Колонну их джипов заблаговременно засекли камеры с вышек, которые давно уже стояли по границам земельных владений нашего села. С полицейского поста в селе об этом тут же сообщили в управление полиции городка. Туда сразу направили три усиленных наряда и пару джипов с ребятами из личной охраны Лаврентича. До села от городка каких-то восемь километров. Банду перехватили далеко на подъезде к селу. После недолгого разговора они убрались восвояси. Но, как рассказал парень из охраны Лаврентича, вели себя очень нагло. Сказали типа, сейчас мы уйдём, но это наше село, и вы оставьте его подброду...

Через несколько дней я поехал навестить родителей. Ехал в тот раз с женой. Я только на днях узнал о её беременности – хотели порадовать родителей. До села – я говорил, – рукой подать. Три километра по трассе, поворот на право, ещё пять километров по просёлочной дороге – село хорошо видно с поворота. Я свернул с трассы, проехал с полкилометра и что-то

мне не понравилось впереди в бурьяне придорожной балки. Был бы я один – ударил бы по газам и постарался б проскочить. Но с беременной женой... Я остановился. И только стал наводить увеличение передней видеокамеры на эту балку, как из неё выскочило несколько человек и рубанули из автоматов по колёсам моей машины. Но промазали. Я крикнул жене, чтоб она легла на сиденье – и, не разворачиваясь, дал задний ход. Бандиты сделали ещё несколько очередей. Уже прямо в машину. Но стреляли только из автоматов и обычными пулями – бронированное стекло выдержало. Гнаться не стали. Трасса совсем рядом, а там у развилки полицейский пост...

Я даже не стал завозить жену домой. Сразу поехал к Лаврентичу. Ребята охраны на воротах его поместья удивились моему быстрому возвращению. Я очень сбивчиво, на нервах, кое-как рассказал, что произошло. Ребята немного поменжевались: Лаврентич не любил, когда его беспокоили в это время. Но потом всё-таки сообщили об инциденте начальнику охраны. Минут через десять тот передал на пост – Лаврентич приказал разобраться. Я тут же рванул домой – отвезти жену, а потом обратно – вслед за отрядом, который послали «разбираться». Когда я приехал к месту засады, всех уже «раскидали». Вместе с отрядом я поехал в село. Там стал уговаривать родителей переехать ко мне. Но отец упёрся: «Никуда не поеду – сказал, – всё равно я там скоро помру от безделья и тоски. И пойми! Сейчас мы сдадим наше село – оглянуться не успеешь, и они придут к вам, не они, так другие...»

Через неделю инцидент повторился. Потом ещё раз, и ещё... Эти бандюки оказались не такими глупыми. Они не стали лезть в село напролом, просто перекрыли две дороги: ту, которая вела к нашей трассе, и другую, которая шла из села на северо-восток к авиахабу на северной окраине Города. Ехать в другие направления просто не имело смысла: там всё было разорено и под их контролем... Стали привозить раненых. Потом как-то спалили нашу полицейскую машину. А потом стали привозить и трупы. Один, другой, третий... И Лаврентич сказал: «Ещё пара таких рейдов, и я останусь без охраны. Завтра будет последний. Вывозим всех к нам».

Предложение эвакуации села совсем не удивило отца. Он только сказал: «Не думал, что это случится так скоро. Заберёшь мать и сестру». – «А ты?...» – начал было я. – «Пойдём, займёмся делом», – вместо ответа сказал отец. Он отвёл меня в гараж, где стоял уже под завязку загруженный его старый, но ещё крепкий и очень вместительный трёхосный пикап, на котором он раньше ездил на сельскохозяйственные выставки и ярмарки. «Здесь всё самое необходимое для них на первое время. А дальше... Дальше о них ты будешь заботиться. Теперь ты глава семьи». Я начал было его уговаривать. «Я же сказал – я остаюсь. Ты должен бы знать, что я не меняю своих решений и два раза одно и то же не повторяю» – ответил он. Я, хотя и до последнего надеялся переубедить отца, но приготовился и к этому варианту. «Тогда я тебе оставляю свой джип. В нём топлива на пять тысяч километров, запас еды и воды месяца на три. Прорывайся на север. Там, ты знаешь, километрах в трёхстах можно попробовать проехать к главной дороге, которая мимо хаба идёт в центр страны. Её будут защищать до последнего. По ней ты сможешь вернуться в Город, к нам...» – «Лучше покажи ещё раз, как эта штука работает – вместо ответа сказал отец. «Этой штукой» – был синхронизированный с системой видеонаблюдения пульт управления пулемётами, установленных на воротах, крыше дома и по углам ограды. Я их установил сразу после неожиданного визита знакомого отца из соседнего села. Я ещё раз показал, как управляться с этим пультом и сказал: «Такая ж штука стоит в вашем отделении полиции, управляет огневыми точками по периметру села. Отделение тоже закрывают. Ты в курсе?» – «В курсе. Мы уже составили график дежурства» – «Мы – это кто?» – И отец назвал мне шесть фамилий самых упёртых дедов в селе...

Когда мы вернулись в дом, сестра сидела вся зарёванная в окружении не застёгнутых сумок, под завязку как попало набитых всякой ерундой. Мать, казалось, даже не шелохнулась с того момента, как мы вышли из комнаты. Гордо выпрямившись она сидела на стуле

у стола. Отрешённое лицо. Совершенно сухие ясные глаза, смотрящие вовнутрь... Я присел на корточки, зажал её ладони между своими и снизу постарался заглянуть в её глаза: «Мам! Хоть ты не упрямься! Как я буду жить с этим?!...» – Она наклонилась и прижалась щекой к моей макушке: «Живи, сынок, живи. У тебя теперь есть своя семья. Думай о ней. И не обижай сестру...»

...Я не спал всю ночь. Рано утром выпросил у ребят из охраны Лаврентича джип с пулемётом и рванул в село. – На повороте уже стоял блокпост внутренних войск. «Хочешь ехать – езжай! – сказали мне на блокпосте. – Но обратно мы тебя не пустим. У нас приказ: всех заворачивать и направлять в „Отстойник“ на северной окраине Города». – И я вернулся. До сих пор не знаю, правильно я поступил или нет?.. Сколько лет прошло, а закрою глаза – и перед глазами монитор заднего обзора, в котором стремительно уменьшаются фигурки моих родителей, замерших у наших ворот...

Рубик провёл кулаком по глазам и отвернулся к боковому окну.

– Знаешь, мои дедушка с бабушкой тоже остались где-то здесь – сказал Александр, чтобы разрядить нависшую тяжёлую тишину. – Может, ты слышал что-нибудь о них? – И он назвал их имена и фамилию.

Рубик продолжал смотреть в боковое окно, и Александр не видел его лица. Но ему показалось, что Рубик слегка вздрогнул и на несколько секунд замер, затем сухо сказал: «Слышал что-то очень давно, но никогда не встречался...»

– А что слышал?

– Да так, ничего особенно интересного. Сейчас и не припомню... – и Александр опять почувствовал, что Рубик что-то недоговаривает.

... – Ада-джян! Встречай гостей! – закричал Рубик, едва они поднялись на второй этаж его фургона.

В минигостинную фургона, спешно поправляя халат, вошла невысокая женщина. Лёгкая, яркая струящаяся ткань халата, похожая на шёлк, мягко облегла её точённую фигуру с округлыми бёдрами, полной грудью и тонкой талией, подчёркнутой поясом. «Прямо танцовщица с древнеиндийских изваяний» – восхищённо подумал Александр, хотя такой тип женщин и был «не в его вкусе». Женщина приветливо и искренне улыбалась. Но её красивые тёмно-карие мендалевидные глаза были полны глубокой грусти – глаза женщины, давно не переживавшей большой жизненной радости и уже почти не надевавшейся её когда-нибудь пережить.

Поприветствовав Александра широкой улыбкой, она набросилась на Рубика:

– Ты что не мог предупредить!? В кои веки привёл в гости нормального человека! А я совершенно не готова!

Рубик виновато стал оправдываться, мол, так получилось. В двух словах рассказал об инциденте со скелетами...

– Вах! – воскликнула женщина и глаза её наполнились слезами. – Вёл опять Сашка!? Балабол! И разгильдяй!...

Рубик, начал было объяснять, что «вёл» не «Сашка»...

Но жена его не слушала:

– Надо всё проверять самому! Ты этого не знаешь?! Честное слово! Твоя лень и беспечность нас когда-нибудь окончательно погубят! – Тут она обернулась к Александру. – Извините, что так получилось. Проходите, пожалуйста. Я сейчас что-нибудь приготовлю. Сколько лет с ним мучаюсь! Большой ребёнок! Как был, так и остался!...

Рубик, воспользовавшись тем, что его на время оставили в покое, сказал:

– Я, пожалуй, приму душ. Не желаешь? – посмотрел на термокомбинезон Александра. – Хотя для тебя вряд ли в этом есть особая необходимость...

– Большой ребёнок – повторила Ада, когда Рубик ушёл в душевую. – Почти все спортсмены такие. С детства привыкли, что «жизнь игра»... Вы уж извините. Забыла, когда принимала нормальных гостей... Если б хотя бы дома... А здесь... Вот же олух на мою голову: не мог сообщить заранее...

– А что, разве Ваши... коллеги по бизнесу не ходят к Вам в гости? – спросил Александр, чтобы предотвратить новую гневную тираду о Рубике.

– Кто? Эти? – Ада пренебрежительно ухмыльнулась и кивнула головой в сторону окна фургона. – Упаси бог! Какие из них гости? С ними ж говорить невозможно! Они минуту не могут усидеть на одном месте! И постоянно говорят по своим коммуникаторам! Они даже с соседями по фургонам разговаривают по коммуникаторам! Сидят под соседними тентами в десяти метрах друг от друга и не видят один другого! «Общаются» с изображением, которое коммуникатор выводит на глазные линзы... Да и о чём с ними говорить?! Об их махинациях с платёжными системами? О том, как они охмуряют своих «покупателей»? Или – упаси бог! – об этих измыательствах в «комнатах правды»? У меня кровь стынет, как подумаю, что они там творят – а им смешно! Для них это развлечение!... С ними вообще лучше не общаться – ходячие видеокамеры Махмуда. Да и гадость могут какую-нибудь сделать. Тоже... «для прикола» ... Как-то много лет назад, когда уже никого из старых знакомых не осталось: разберлись кто куда, – мы пригласили одного из этих чипанутых. Так на следующее утро захожу в гостиную – а в ней нет стен... ну не самих стен – внутренних декоративных панелей. Вместо них по краям какой-то хлюпающий кисель. Оказывается, этот гад втихаря посадил на стену нашей гостиной «прикол-бактерию», которая питается декоративным пластиком... Слава богу, что не подсадил какую-нибудь заразу... Потом еле вытравили эту гадость. И ремонт обошёлся в копейчку. Что с них взять?! Это ж уже поколение кибер-прислуги и кибер-гувернёров. Они ж и не представляют, что такое нормальное человеческое общение! Но по сравнению с теми, что появились позже, с теми, кого в месячном возрасте отдавали на попечение няням-ботам...

Догадываясь, что рассказ о воспитанниках нянь-ботов может затянуться, Александр решил сменить тему разговора:

– Они, как я понимаю все с вживлёнными Чипами Безопасности? Что они тогда здесь торчат? Могли бы...

– Ну, они у них не совсем, чтобы настоящие. Говорят, когда-то эти чипы поставили им в Госпитале по заказу Махмуда. Они могут с ними свободно ходить везде в Городе. Но в Сити их уже не пустят. Тем более куда дальше... Но всё равно чипанутые. Своих мозгов нет. Так что упаси бог от таких гостей. А больше особенно некому. Раз в месяц-два зайдёт кто-нибудь из искателей... Но Вы ж их видели. С ними особенно не поболтаешь... Ой! Я-то уж зато разболталась! Я Вас оставлю на несколько минут...

Ада скрылась в двери дальней стены гостиной, а Александр стал осматриваться. Его внимание сразу привлекла та самая дальняя стена, где была дверь, в которой скрылась Ада. Она была увешена большими медийными рамками.

В первой без труда узнавался Рубик. Вся его незамысловатая жизнь: рождение, первые шаги, первые друзья, семейные застолья, помощь родителям в поле и на ферме, студенческие приколы, тренировки и соревнования... Но всё это неожиданно обрывалось: счастливый Рубик лет двадцати двух-двадцати трёх с каким-то кубком – и всё по новой. Во второй рамке было почти то же самое. Только там везде была Ада и вместо сельхозработ, тренировок и соревнований были музыкальные занятия, репетиции и концерты. Здесь всё тоже неожиданно завершалось толпой смеющихся молодых людей на фоне хорошо ему знакомого по детским прогулкам по Городу здания – Консерватории. Предположения о профессии Ады, появившееся у Александра, подтверждало пианино, стоявшее под медийными рамками. Он открыл крышку, сыграл несколько аккордов – пианино было с прекрасным звучанием и хорошо настроено. Очевидно, им регулярно пользовались... В третьей рамке вроде бы продолжалась история двух

предыдущих: свадьба, первые хлопоты молодой семьи, визиты к родителям, рождение сына, его первые шаги... – но тут опять всё обрывалось. Жизнь заканчивалась. Возобновлялась она в четвёртой рамке, но уже с совсем не молодыми Рубиком и Адой, возмужавшим сыном в окружении какой-то молодой женщины и двух пацанов. Судя по последним съёмкам, старшему из них сейчас было лет девять-десять, младшему – пять-шесть...

Из двери вышла Ада и стала рядом с Александром.

– Смотрю и удивляюсь. Это я? Это моя жизнь? Была ли эта жизнь? ... Иногда хочется снять всё это, разбить и выкинуть. Но подумаю, что тогда останется? Кто я? Жила ли? Живу? ... Странная вещь – время. Несколько лет кажутся целой жизнью. Столько всего было... А целые десятилетия заполнены пустотой, мраком страха, какой-то судорожной суеты. И кажется, всё это было не с тобой. Наваждение, из которого нет сил вырваться... Когда родились малютки, первое время радовалась. А сейчас всё больше тревожусь – дальше то, что с ними будет? ... – Ада вытерла слёзы. – Извините, хозяйка называется. Нашла чем развлечь гостя...

Ада изящно обогнула Александра. В углу рядом с пианино открылась небольшая дверка. Из неё выкатился столик, уставленный угощениями. Это был не бот-официант, а именно стародавний сервировочный столик на колёсиках. Ада, слегка грациозно наклонившись, покатила его к дивану и креслам в центре гостиной.

– Прошу – пригласила она Александра.

Он подошёл к предложенному ему креслу, но сразу не сел. Заинтересовался странной конструкцией на стене за большим кожаным диваном. Такие он встречал в антикварных магазинах и хранилищах Библиотек. Большие «книжки» из прозрачных панелей, внутри которых были зажаты старинные так называемые «диски».

Ада заметила его любопытный взгляд:

– Это коллекция Рубика. Небольшая часть... Видели бы, сколько их у нас дома... Да Вы присаживайтесь – и когда Александр уселся, пояснила. – Это аудиокнижки... Когда мы с Рубиком познакомились, у меня была очень шумная и утомительная работа... просто выматывающая... Это вы попробуйте обязательно – и Ада ещё подложила что-то в его и так полную тарелку. – Приходила домой разбитая, без сил. Хотелось только тишины, и чтобы меня никто не трогал... Хотя бы первые час-полтора. Я принимала душ, гасила почти весь свет в своей гостиной, оставляла гореть только торшер у кресла, садилась под него и читала... А ему ж скучно. Он и так, и эдак ко мне. Я ему – оставь меня, пожалуйста, хоть на час в покое. Он мне как-то и говорит: а ты читай вслух, я тоже послушаю. Я ему сначала – возьми сам любую книгу и читай сколько хочешь. Он несколько раз попытался. Но больше двух-трёх страниц за раз осилить не мог. Засыпал. Стал ходить обиженный, надутый... Ну я как-то и согласилась. Ему ужасно понравилось... Но иногда не было сил даже вслух читать, и я ему как-то сказала: если тебе самому так тяжело читать, уже сто лет как существуют аудиокнижки, загрузи в свой коммуникатор что хочешь и слушай сколько хочешь. – «А я не подумал об этом», – сказал он и действительно стал слушать аудиокнижки. Сначала я ему подсказывала, что слушать, потом он сам стал подбирать. Через месяц у него уже была целая гора модулей памяти по завязку набитых аудиокнижками. Слушал, ну не то что б всё подряд, но без всякой системы: художественную классику всех времён и народов, самых разных философов, всевозможные воспоминания, учебные курсы и научно-популярные издания, а то какие-то совершенно глупые всеми давно забытые детективы или «ужастики»... где-то год с лишним регулярно слушал Britannic'у, каждое утро по тридцать-сорок минут. Прослушал всю. Он то у меня совсем не глупый и очень любознательный, но чтение... то ли вовремя не приучили, то ли действительно не всем дано... В общем «эрудированным» он у меня стал страшно. Многие друзья стали жаловаться и не хотели ездить с ним в одной машине: хорошо если будет слушать какой-нибудь детектив, а если учебный курс органической химии (он ведь у меня когда-то начинал учиться на биолога) или очерки истории технологии обработки металлов... Но, знаете, потом,

эта его страсть к аудиокнигам нас спасала и помогала не раз. В самое жуткое время, которое и вспоминать не хочется, когда всё, казалось, безвозвратно погибло, ты не знал не только то, что будет с тобой завтра, но и через час или два. Когда у тебя нет ничего и ты начинаешь сходить с ума от отчаяния и страха... а у тебя на руках двое маленьких детей... Сидишь в пустом доме в покинутой чужой квартире, прижав своих ангелочков, боишься свет зажечь и лишний раз слово сказать. А детям страх показывать нельзя, и их пугать нельзя, и заставить их тихо сидеть или лежать надо... Вот тогда его книги и выручили нас. Оказалось, он заблаговременно понасобирал чуть ли не все сказки мира. Он включит тихо какую-нибудь сказку, детки послушают минут пятнадцать-двадцать и уснут... он тоже уже храпит... а всё слушаю и плачу. Но без этого точно свихнулась бы от ужаса и безысходности... – Ада вытерла слёзы, помолчала и уже более бодрым голосом продолжила. – А когда самое страшное было позади, – у нас снова появился хоть какой-то, но свой и относительно безопасный дом. Рубик опять стал работать здесь на Рынке. Стоящий товар можно было взять только у искателей. А те и торговцев с Рынка, и тем более Большого Папу, а потом Махмуда снисходительно презирали. Предлагали обычно всякую ерунду, стоящее придерживали для себя или для особых случаев. Они ведь все страшно умные, практически все с учёными степенями... Но Рубика они очень скоро зауважали и стали считать почти своим. Он им то цитату из Лукреция или Шекспира, то стих Попа или Мандельштама, то какую-нибудь ведическую мудрость или поучение Лао-Цзы... то подкажет что-нибудь по технологии или свойствам материалов. В общем, они скоро стали с ним общаться на равных и «наводить» на действительно стоящие и ценные вещи. Между делом он тогда и начал собирать свою коллекцию. Он стал самым авторитетным на нашем рынке. К нему специально стали приезжать со специальными заказами. Мы в первые годы благодаря этому быстро «поднялись»...

Тут в гостиную вошёл Рубик. Чистый, свежий, умиротворённый и весёлый. Казалось, он совсем забыл и об инциденте со скелетами, и о ссоре с женой. Он уселся на широкий подлокотник большого кресла, в котором утопала миниатюрная Ада, наклонился, нежно взял её лицо в свои ладони и поцеловал в губы. Поцелуй был очень долгим и прочувствованным. При этом правая рука Рубика нежно скользнула по волосам Ады, потом по шее, её полной груди и замерла на её бедре... Ада мягко высвободилась из объятий мужа:

– Мы ж не дни...

– Ну и что? Я не имею права поцеловать свою жену? Я соскучился по своей красавице-жене! Правда, она у меня красавица?! – обратился Рубик к Александру без какого-либо следа смущения.

– Да уж красавица... была когда-то – для порядка сказала Ада, хотя видно было, что комплементы мужа ей доставляли удовольствие. – Сядь на диван и веди себя прилично...

– Ты меня ещё не поцеловала...

Ада вздохнула и как бы нехотя поцеловала Рубика. Но в этом скромном поцелуе было столько искренней нежности...

Все эти дни совместных экспедиций с Рубиком Александра не то чтобы очень мучил, но свербящей занозой вопроса, на который он сразу не нашёл ответа, в подсознании сидело недоумение: как Рубику здесь в течение стольких лет удалось сохранить ясный ум, доброту, отзывчивость, человечность... Сейчас он мысленно стукнул себя ладонью по лбу: «Элементарно, Ватсон, – это любовь!»

Чтобы помочь Аде преодолеть небольшое смущение, Александр спросил:

– Ваш муж сказал, что Вы знали немного моего деда...

– А кто был Ваш дед?

Александр назвал полное имя своего деда.

– ОН был Вашим дедом?! – лицо Ады выражало изумление, радость, восхищение... Но вдруг оно стало мрачным, даже злым. Она выпрямилась в своём кресле и повернулась к Рубику. В это мгновение она напомнила ему кобру в боевой стойке.

– Это он сказал?! Вот пусть он и рассказывает! – и она опять откинулась в кресле с торжествующим злорадством.

Рубику ничего не оставалось, как начать свой рассказ. Но несмотря на грозное «пусть он и рассказывает», Ада постоянно прерывала его рассказ саркастическими замечаниями, ехидными вопросами, зловедными напоминаниями... Позже Рубик скажет, вспоминая этот свой рассказ: «Женщины страшно злопамятные существа. Но злопамятны как-то по-особому. Ты можешь за всю жизнь совершить одну единственную ошибку. Потом ты будешь носить её на руках, сдвигать с неё пылинки и, будет казаться, что она всё забыла и простила. Она года, десятилетия не будет вспоминать о той злосчастной ошибке. – Но в самый неожиданный момент она начинает тебе мстить за эту ошибку... хотя прошло уже столько лет...»

«Клуб возрождения» (рассказ Рубика)

Если освободить рассказ Рубика от многочисленных его пререканий с Адой, он выглядел бы примерно так.

К тому времени, когда основное население родного села Рубика было эвакуировано в городок, где он тогда жил, в самом городке тоже назревали большие проблемы. Поначалу они появились на его границах, особенно восточных, где к городку примыкал не так давно отстроенный «спальный» район. Казалось, совсем ещё недавно возведённые огромные дома стояли уже облезлыми, пошарпанными, а кое-где и полуразвалившимися. Там давно уже были проблемы с водой и электроэнергией. Район начинал стремительно пустеть. По ночам он нависал над городком сумрачной громадой, которую освещали лишь редкие огни нескольких главных улиц. Оттуда постоянно доносились звуки выстрелов и взрывов гранат. Несколько муниципальных полицейских из этого района, которые пришли в полицейское управление городка в надежде найти хоть какую-то работу, рассказали, что из-за отсутствия финансирования весь персонал отделений полиции в районе в ближайшее время будет сокращён. Только на важнейших перекрёстках планируют оставить посты дорожной полиции, превращённые в мини-крепости, из которых полицейские боятся даже показываться, а по ночам вокруг них идут настоящие уличные бои. Более-менее спокойно пока ещё было только на главной улице, которая вела из городка в центр Города, потому что там кроме постов дорожной полиции стояли несколько блокпостов внутренних войск, а по ночам эта улица патрулировалась их бронемашинами. Пожарную часть, больницы и школы закрыли ещё раньше. Формально район передали в зону обслуживания станции скорой помощи городской больницы, находившейся у юго-восточной границы района. Но бригады «скорой» отказывались туда ездить, справедливо опасаясь за свою жизнь. Так же отказались туда ездить водители школьных автобусов, которые должны были возить детей из семей, родители которых выразят согласие на их обучение в ещё работающих школах ближайших более благополучных районов...

Набеги на городок из этого района всё учащались и скоро стали каждодневными, точнее, каждоночными. Как и во многих других местах от этой беды поначалу пытались спастись возведением защитной ограды по всему периметру городка: высокая стена, увенчанная ажурной сеткой под высоким напряжением, множество видеокамер и всевозможных датчиков, пулемёты через каждые сто пятьдесят – двести метров... Но всё это спасло ненадолго. Скоро нападения стали просто более организованными и массовыми. Выстрелами из гранатомётов подрывали две соседние опоры ограждения, сносили ближайшие пулемётные башенки и пока дежурный отряд внутренних войск успевал прибыть к месту нападения – один-два крайних дома были под чистую разграблены...

Окраинные дома городка быстро стали пустеть. Их пытались продавать за какие-то смешные деньги. Но покупатели не находились. И, вдруг, один из домов – в самом дальнем северо-восточном углу посёлка, – кто-то купил. Дом, конечно же, давно был разграблен. Стена забора, почти вплотную примыкавшая к защитной ограде, была разрушена в нескольких местах взрывами гранат. Но в считанные дни дом восстановили, расширили и укрепили. И сразу после этого нападения в северо-восточной части городка прекратились, хотя убранный перед домом на время строительных работ защитную ограду так и не восстановили. Говорили, что по просьбе новых хозяев дома. Скоро все в городке узнали, что в доме открылся какой-то «Клуб». Особого интереса поначалу эта новость в городке не вызвала. Ну, ещё один клуб с каким-то непонятным названием, которое каждый переименовывал по-своему: «возрождения», «выживания», «спасения» ... Все давно уже жили сами по себе, старясь особо не вникать, что происходило вокруг, замкнувшись в своём стремительно сужающемся внутреннем мире...

Никто из жителей городка поначалу в этот «Клуб» не стремился. Но со стороны Города – как рассказывали жители соседних с «Клубом» домов, – люди стали идти в него чуть ли не толпами. А вскоре пошли странные слухи: мол, люди в этом клубе исчезают. Зайдёт в него, скажем, человек семь-восемь, а через несколько часов выйдет пять—шесть. О «Клубе» в городке пошла дурная слава. Жители городка стали его побаиваться. Но скоро в самом городке жизнь стала ещё страшнее...

Ресторанчики, рассчитанные на не шибко богатых, «демократичных» клиентов, стали незаметно один за другим закрываться. Продукты стали стремительно дорожать. Приходилось поднимать цены, и они становились «неподъёмными» для обычной клиентуры. Да и этим людям всё более становилось не до ресторанов. Многие уезжали из Города... У ресторанов «покруче» скоро дела тоже стали идти всё хуже и хуже. «Солидная клиентура» – богатые, влиятельные бизнесмены, топ-менеджеры солидных фирм, высокооплачиваемая богемная тусовка, – стали приезжать всё реже. Большую часть клиентов стали составлять криминальные «авторитеты» разного пошиба с многочисленной охраной. Они всё чаще начинали «быковать». Драки всё чаще стали переходить в перестрелки. Это окончательно отпугнуло «приличную публику». Богатые, «понтовые» рестораны тоже стали закрываться один за другим...

Тихо-незаметно умер и рынок в городке, совсем недавно такой шумный и многолюдный, куда приезжали «затариваться» из многих, порой очень отдалённых, районов Города.

Конечно, «крышевание» ресторанов, рынка и прочей торговли в городке было не самой главной статьёй доходов Лаврентича. Большую часть дохода обеспечивала, понятное дело, наркоторговля. И главным рынком сбыта был всё тот же «спальный» район, примыкавший к городку с востока. Там давно уже стали появляться проблемы с оплатой за «товар». Она какое-то время компенсировалась ростом продаж: всё больше людей там «подсаживались на наркоту». Но когда «подсели» почти все, кто ещё остался жить в этом районе, – проблема платы за «товар» стала тоже очень острой. И тут Лаврентича «кинули». По-крупному и самым наглым образом.

Охреневший коп

Не трудно было догадаться, что ожидало полицейских района после закрытия в нём всех полицейских участков. Дело было не столько в том, что им, их семьям переставали платить жалования, и не в том, что они переставали получать «дань» за «крышевание» ещё сохранявшихся в районе магазинчиков и иных коммерческих заведений, и даже не в том, что они переставали получать свою долю от наркоторговцев (а это, понятное дело, было их главной статьёй доходов). Дело в том, что им всем грозила неминуемая смерть, в лучшем случае быстрая и безболезненная. Потому что, платить то им платили, но при этом презирали и ненавидели. И сейчас все их «подопечные» с нетерпением ждали момента, когда они с наслаждением «за всё рассчитаются».

Все прекрасно отдавали себе в этом отчёт. Ещё за три месяца до официального закрытия полицейских участков – когда объявили об этом решении, – всё районное полицейское руководство, начиная от начальника и его заместителей, кончая руководителями отделов и служб, постепенно перестали появляться в районе. Их семьи давно уже жили в пока ещё вполне безопасном центре Города, а сюда – в район, – они и раньше-то приезжали не чаще раза в неделю, чтобы получить свою «долю» и моральное удовлетворение, устроив «нагоняй» своим подчинённым. Постепенно растворился почти весь офицерский состав. Остались только несколько совсем зелёных лейтенантиков, с пару десятков сержантов и рядовой состав – все те, кто не успел насобирать достаточно, что «сдёрнуть» из района.

Скоро на произвол судьбы были оставлены участки и опорные пункты во всех микрорайонах. Оставшиеся полицейские усиленно укрепляли и готовили к обороне давно обнесённые общей системой защиты районный отдел и находившийся рядом жилой комплекс, в котором уже много лет жили все полицейские района. Но сколько можно будет продержаться в этой осаде? Все со страхом ждали, что же будет дальше? ... И тут – как часто бывает в кризисных ситуациях, – «из гущи народных масс» неожиданно появился лидер, пообещавший «всё уладить».

Лидер-спаситель оказался самым молодым полицейским из всех, работавших в том райотделе. Ему было лет двадцать с небольшим. И работал-то он там не больше двух лет. То, что он здесь оказался и, главное, «задержался», само по себе было удивительным. Район давно уже считался «бесперспективным» и вообще «гиблым местом». Пополнений сюда не присылали уже «сто лет». Более того, штаты постоянно сокращали. Старшие офицеры жили надеждой, что где-нибудь, в более приличном районе откроется вакансия и его туда переведут (пусть даже с небольшим понижением в должности). Остальные мечтали об одном – успеть дослужиться до пенсии. И вот некоторые из них дождались этого счастливого дня. Причём сразу человек шесть или семь. Когда-то лет за двадцать до этого они пришли в полицию все вместе после армейской службы. То ли поверили обещаниям «золотых гор» проводившейся тогда «программы модернизации и обновления», то ли просто позарились на приличные по тем временам заработки, не найдя более оплачиваемой работы, – но прошло всего несколько лет, и они в душе проклинали это своё решение. А деваться уже было некуда.

Как только они оформили все документы по выходу на пенсию, все тут же вместе с жёнами (дети уехали давно) скрылись в неизвестном направлении, невзирая на уговоры «послужить ещё пару лет». Пришлось в кои веки срочно присылать пополнение. Прислали, правда, всего троих. Совсем ещё пацанов после полугодовых учебных курсов рядового состава полиции, на которые с большим трудом удавалось хоть кого-то набирать, несмотря на повальную безработицу: все предпочитали жизнь на пособие. Не прошло и месяца, как двое из них исчезли. Но один остался. И первое время местное полицейское начальство не могло на него нарадоваться. Парень был сильный, прекрасно тренированный, в совершенстве владел всеми

видами оружия, был очень организованным и исполнительным. Получит задание – вытянется в струнку, «есть», «так точно»; в положенный срок докладывает: «задание выполнено». Немного, правда, пугали глаза – пустые, «стеклянные», – которые, казалось, смотрели сквозь тебя. Но в глаза рядового патрульного не очень-то было принято заглядывать, а если такое случайно и происходило, то этой ерунде не придавали значения и тут же старались забыть возникшее неприятное ощущение.

Но с сослуживцами у него отношения сразу не сложились. Попытки разных там «приколов», «посвящений», которые все поначалу судорожно стали вспоминать (пополнений-то давно не было), заранее предвкушая удовольствие от давно забытого развлечения, – закончились или полным «обломом» (он, казалось, всё знал заранее и легко обходил все «подставы» и «разводы»), или – те, что предполагали определённый «физический контакт», – травмами тех, кто решил над ним «пошутить». Скоро все стали его сторониться. Но это, кажется, нисколько его не волновало. Он и не пытался ни с кем не то, чтобы подружиться, но даже хотя бы слегка сблизиться. Он относился ко всем с холодным отстранённым равнодушным презрением.

Обычных жителей при патрулировании он просто не замечал, а если они каким-то образом оказывались у него на пути, он обращался с ними не то, что как с какой-нибудь бездомной собакой, кошкой или даже крысой, а просто как с каким-нибудь камешком, оказавшимся перед носком его ботинка. Патрулирование района было для всех обычной надоевшей рутинной. Все выходили в патруль в простой не очень свежей, небрежно застёгнутой форме. Автоматы привычно массировали ягодичы... Он же выходил на патрулирование, экипированный «по полной»: штурмовая каска с опущенным бронированным щитком, на внутренней стороне которого было множество информационных дисплеев, назначения большей части которых остальные патрульные давно забыли, а он в них превосходно ориентировался; бронированный комбинезон, запакованный под самый шлем; автомат в боевом положении на груди... Кисти рук сложены на автомате так, что локти широко торчат в стороны. И стоило чему-то или кому-то хоть слегка коснуться этих локтей – как тут же следовал мощнейший удар тяжёлой тыльной стороной автомата...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.